

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться:
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться!{1}

Державин

«А! это вы? насилу-то мы с вами встретились! Ну, что, как? Здоровы ли? что нового?»... Так один молодой человек, давно уже сидевший в книжной лавке с книжкою «Библиотеки для чтения» в руках, приветствовал другого, только что вошедшего в лавку, с живостию бросившись к нему навстречу и с жаром пожимая ему руку. Этот молодой человек давно уже поглядывал на меня с явным желанием заговорить со мною, – должно быть, о статье, которую читал. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что он и улыбался, и смеялся; по временам с уст его слетали неопределенные восклицания. Он даже заговаривал со мною о погоде; но я, не любя заводить знакомств (ибо у нас на Руси разменяться с незнакомым человеком двумя-тремя фразами о погоде – значит иногда нажать приятеля и «моншера»), отделался от него неопределенным «да» и т. п. Тем живее была радость молодого человека при виде знакомого, с которым он давно не видался и которому мог излить ощущения, возбужденные в нем статьею. У них сейчас же завязался живой разговор, который показался мне столь интересным, что я почел не излишним довести его до сведения публики. Описание наружности и характера обоих персонажей этой маленькой сцены несколько не послужило бы к ее уяснению, и потому заметим только слегка, что молодой человек, встретивший с такою живостию своего знакомого, был несколько вертляв, говорил скоро и громко, как бы у себя дома, а лицо его казалось совершенным выражением легкости и добродушия; знакомый же его отличался от него какою-то холодною важностью в речи и в манерах. Чтоб лучше следить за их разговором, назовем первого господином А., а другого господином Б.

А. Что нового? – Да ведь вы знаете, что я всегда запасался им от вас же. Вы, кажется, что-то читали в «Библиотеке для чтения»?

Б. Ах, да! – статью о «Мертвых душах». Чудо, прелесть! В иных местах хотя и вздор, но зато какое во всем остроумие! Такой статьи давно не бывало! Вот уж можно сказать: писана желчью...{2}

А. Да, правда...

Б. Жанен! Решительный Жанен!

А. Ну, уж вот этого-то я и не скажу. Жанен – болтун; чрезвычайный успех его основан на легкости и на отсутствии всяких твердых и глубоких нравственных начал в обществе, для которого он болтает нынче совсем не то, что болтал вчера, а завтра будет болтать совершенно противное тому, что болтал вчера;{3} но Жанен все-таки болтун остроумный, и при другом обществе он мог бы сделать из своего таланта лучшее, благороднейшее употребление. Но каков бы ни был Жанен и теперь, его болтовня всегда блещет умом и остроумием, хоть и совершенно внешними, и отличается тоном порядочных людей. Остроумие Жанена заключается совсем не в том, чтоб, выписав из разбираемого романа несколько фраз, плоских потому именно, что они вложены автором в уста изображаемого им человека дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: такие периоды настоящие свинтусы! Истинное остроумие, хотя бы и легкое и мелкое, не искажает умышленно предметы, чтоб возбудить во что бы то ни стало грубый смех площадной толпы: оно находит смешное в своей манере видеть предметы, не уродуя их.

Б. Это, пожалуй, и так; да ведь дело-то в успехе, и *bien rira que rira le dernier!*[1] Осуждать такое остроумие могут многие с большою основательностью; а острить так сами едва ли могли бы, если б и хотели.

А. По крайней мере нужна для этого большая решительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смешную нелепицу, – все расхохочутся, и никто не захочет наводить справки, правду вы сказали или ложь. Повторяйте такие выдумки чаще и насчет всех и каждого: вас будут презирать, а слушать и смеяться не перестанут. Но всему есть мера и границы. Одно и то же надоедает, а выдумывать целую жизнь разнообразные литературные лжи невозможно, и как скоро заметят, что вы повторяете самого себя, то перестанут и смеяться, начнут зевать. Это я говорю не

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru по отношению к журналу, а как общую истину, которая удобно прилагается ко многим житейским делам.

Б. Так вы совершенно отказываете в остроумии рецензиям «Библиотеки для чтения»?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастием, а главное, острит над тем, что действительно ей под силу и о чем серьезно не стоит сказать и двух слов, – ее рецензии бывают очень забавны. Так, например, нельзя было не улыбнуться, читая в «Библиотеке для чтения» разбор или, лучше сказать, надгробную речь над прахом умерших прежде своего рождения стихотворений какого-то Г. Бочарова. Но когда такое же остроумие прилагается ею к предметам высшего значения, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоским и скучным. Важное само по себе нельзя сделать смешным.

Б. Но что ни говорите, а в статье о «Мертвых душах» много едкости...

А. Прибавьте – бессильной, для предмета, слишком высоко в отношении к ней стоящего. Я не вижу ровно ничего остроумного ни в сближении плохих стихотворений площадного писаки с поэмою Гоголя, ни в том, что рецензент называет «поэмами» разные медицинские сочинения. Все это мне кажется очень плоским. Разберите-ка этот разбор с начала до конца, по порядку. Что это такое? – Послушайте: «Вы видите меня в таком восторге, в каком еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю от восхищения...» Пока довольно; остановимся на «пыхтении» рецензента. «Пыхчу» есть настоящее время глагола «пыхтеть», который значит то же, что «тяжело дышать». Но последнее выражение употребляется в отношении к людям, а первое в отношении к лошадям и коровам. Видите ли: явное незнание русского языка?.. Если же слово «пыхтеть» и употребляется в отношении к людям, то не иначе, как в унизительно комическом тоне, для выражения волнения крови и желчи, производимого страстями, как то: пристрастием и т. п. Итак, что же хорошего в рецензии, которая почти началась словом «пыхчу»? – Но будем следить далее за «пыхтеньем» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвал свое сочинение «поэмою», и вот он заставляет своих читателей, «свидетелей его бешеного восторга», спрашивать у него, пыхтящего рецензенту, каким размером писана поэма, давая тем знать, что он в своем эстетическом пыхтении написанной прозою поэмы не признает «поэмою». Все это, действительно, очень забавно и возбуждает смех, но только совсем не над автором поэмы, а разве над пыхтящею рецензиею. И мне кажется, что я уже слышу громкий хохот свидетелей ее бешеного восторгу, оттого, что в поэме нет никакого размера, а может, и от смешной претензии пыхтящего рецензенту преобразовать правописание языку, который чужд ему и которого духу он совсем не знает. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустых придиорок к слогу, из которых главная состоит в том, что Гоголь лучше его, пыхтящего рецензенту, знает употребление родительного падежу и не хочет следовать его нелепой орфографии. «Поэт» (воскликает или «пыхтит» рецензент), «поэт – существо всемирное; он выше времен, «пространств и грамматик!» Может быть, это восклицание или это «пыхтение» и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально; но только оно подтверждает мое убеждение в волнении «Библиотеки для чтения»: не она ли, вот уже ровно девятый год, ежемесячно смеется над грамматикою и доказывает, что эта наука изобретена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважает эту науку, так к стати подвернувшуюся ей под руку, чтоб было чем швырнуть в страшного для нее писателя, как некогда с гораздо большим успехом швырял ею Г. Греч в распорядителя «Библиотеки для чтения». {4} и вот для доказательства своей силы в русской грамматике рецензент спешит употребить слово «запахов», как он употребляет слово «мозги», «мечт» и т. п. В выражении Гоголя: «покамест слуги управлялись и возились», он подчеркивает слово «возились», давая тем знать, что оно почему-то будто бы нехорошо, а почему именно, это пока секрет рецензенту, который он, вероятно, когда-нибудь откроет «свидетелям его бешеного восторгу». Впрочем, всех его подчеркиваний не перечтешь: они многочисленны и разнообразны. Но вот следует самое убедительное доказательство, как силен наш рецензент в русском языке, – послушайте: «Во всех словенских языках, какие я знаю, нос имеет в родительном падеже носа, а шум, ветер и дым имеют шуму, ветру, дыму». Скажите, бога ради, что это такое: шутка, мистификация или просто «пыхтенье»? Я не знаю, да и знать не хочу, как в польском или другом славянском языке склоняются в родительном падеже слова: нос, шум, ветер и дым; но как природный русский, знаю достоверно, что слова эти в русском языке принимают в родительном падеже окончание равно и а и у, а когда которое именно, на это нет постоянного правила, но это слышит ухо природного русского, слышит и никогда не обманывается. Всякий русский скажет, как у Гоголя: «Волос, вылезший из носу», и ни один русский не скажет: «Волос, вылезший из

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
носа». Точно так же должно говорить порывы ветра, а не порывы ветру. И так, знание других языков не послужило рецензенту облегчением в знании языка русского, и он с горя вздумал перекраивать русский язык на свой лад и, не зная его, принялся учить ему русских!..

Б. Однакож, согласитесь, что язык у Гоголя часто грешит против грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы за это согласитесь, что не рецензенту же «Библиотеки для чтения» упрекать его в этом. Я далек от того, чтобы ставить Гоголю в защиту неправильность языка, {5} которая тем досаднее, что у него она явно происходит не от незнания, а от небрежности, от нерасположения потрудиться лишнюю четверть часа над написанной страницей. {6} Но у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка, – есть слог. Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово или другую фразу для выражения этой мысли. Это значит иметь слог, который имеют только великие писатели и о котором рассуждать так же не дело «Библиотеки для чтения», как и рассуждать о русском языке, которого она не знает, что можно доказать из каждой ее страницы, наполненной всяческих обмолвок против духа языка, ошибок против его грамматики, барбаризмов, солецизмов и, в особенности, полонизмов.

Б. Это совершенная правда: г. Греч давно это доказал в своей брошюре – помните?.. Я ведь и сам вижу, что грамматические-то обвинения все выдуманы; но рецензент так смело колет ими и так смешно умеет их выставлять, что тем более дивисься его неподражаемому остроумию.. Впрочем, если грамматические нападки рецензента для вас и ложны, и пусты, и скучны, перестанем говорить о них, перейдем к другим пунктам обвинений, которые, надеюсь, будут посущественнее. Мне любопытно узнать, что-то вы на них скажете.

А. Да что же и говорить мне, если вся рецензия устремлена против слога?..

Б. Нет, не против одного слога, но и против дурного тона сочинения, так некстати названного «поэмою»; против странной претензии автора видеть представителей и героев русской жизни в людях низких и глупых; против высокого мнения о самом себе со стороны автора, который, по таланту, не может стать наряду даже с Поль-де-Коком... Что касается до меня, я со всем этим соглашаюсь только вполтину, потому что, как хочет «Библиотека для чтения», а по моему мнению, и Гоголь чего-нибудь да стоит. И потому повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензент насмехается над словом «поэма» в приложении к «Мертвым душам», это происходит оттого, что он не понимает значения слова «поэма». Как видно из его намеков поэма непременно должна воспевать народ в лице ее героев. Может быть, «Мертвые души» и названы поэмою в этом значении; но произнести какой-нибудь суд над ними в этом отношении можно только тогда, когда выйдут две остальные части поэмы.

Б. Рецензент сам говорит об этом в конце рецензии...

А. Да, но сперва разругав за это поэму, в начале и середине рецензии... Что касается до меня лично, я пока готов принять слово «поэма» в отношении к «Мертвым душам» за равнозначительное слову «творение». В этом значении всякое произведение поэзии есть поэма – и ода, и песня, и трагедия, и комедия. Но не в этом дело, а в том, что, опираясь на слово «поэма», стоящем в заглавии сочинения Гоголя, рецензент очень наивно и очень невинно силится бросить на автора не совсем прохладную тень неуважения будто бы к русскому обществу, которого репутация так дорога сердцу рецензенту, не знающего русского языка и русской грамматики... Иначе как же вы поймете «тонкие» намеки рецензенту на то, что автор «Мертвых душ» будто бы «при каждом неблагоприятном случае наводит речь на русских». Какой же этот «неблаговидный случай»? – Автор просит у читателей извинения за то, что знакомит их с Петрушкой и Селифаном, людьми Чичикова, «зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями». Но чтоб уяснить это с умыслом затемненное рецензентом дело, – вот «Мертвые души» – я прочту вам из них все это место, из которого рецензент взял только то, что нужно было ему для его цели. Выслушайте:

«Таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru лучше всяких тесных дружеских отношений. Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник. Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чинам генеральским, те, бог весть, может быть, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на все, что ни пресмыкается у ног его, или, что еще хуже, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием».

Итак, очевидно, что автор, с свойственным ему юмором, и притом очень деликатно, кольнул слабость нашего общества к знакомству с чинами и отличиями, а не людьми. Во-первых, это правда; во-вторых, это особенно не унижает русских перед другими народами, особенно, например, перед немцами, которые отчаянно больны чинованием, хотя и далеко обогнали нас в цивилизации и просвещении; в-третьих, Петрушка и Селифан послужили для автора только предлогом к нападениям на чинованию, и он совсем не думал упрекать русское общество за то, что оно не хочет знаться с кучерами и лакеями. Судите же после этого, из какого светлого источника вытекло негодование не знающего по-русски рецензента, негодование, которым так преисполнены эти его строки:

«Помилуйте! вскрикивает почтеннейший (гостинодворский эпитет!) читатель, не отнимая пальцев от своего почтеннейшего носа (острота!), который он имеет обыкновение зажимать от таких воздушных (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, с вашим поэтом, при каждом неблагоприятном случае, наводите речь на русских! В чем и за что вы непрерывно их обвиняете? Да они очень хорошо делают, что не хотят знакомиться с вашими нечистыми героями, от которых я сам принужден поминутно закрывать нос и глаза рукою. Если порядочные русские неохотно сближаются с людьми низкого сословия, причиною этого должен быть распространившийся между ними благородный вкус к изяществу, опрятности, образованным ощущениям, а не мнимый народный порок, не всеобщая спесь, не безрассудная гордость. Над чем вы тут насмехаетесь? – куда норовите свои эпиграммы! (не по-русски!) Страсть зазнаться!.. Да чтобы по случаю Петрушки упрекать целый народ в страсти зазнаваться (у Гоголя: зазнаться с тем, кто хотя одним чином повыше – это рецензентом выключено, а глагол «зазнаться» поворочен на глагол «зазнаваться»!!..), надо предположить, будто весь народ ничем не лучше этого грубого и грязного человека и только понапрасну, из гордости, не узнает в нем себе равного! Но это неправда. Вы систематически унижаете русских людей. Я (о!..) этого не люблю, и не хочу слушать. Я сам. обожаю чистоту. Ваши зловонные картины поселяют во мне отвращение...»

Итак, скажите же: где у Гоголя все это есть, и о том ли, то ли говорит он, на что восстал рецензент? Нет, это уже не «пыхтенье»: это что-то вроде придирок известного рода...

Б. Оно так; я не скажу, чтоб это было хорошо; но зато как зло, как ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастер своего дела. Но об этом довольно: по одному судите и обо всем, тем более что наш рецензент умеет быть верен себе.

Б. Ну, а насчет дурного тона, сальных картин, грязных изображений – что вы скажете насчет всего этого? Право, «Мертвые души» как будто писаны для сидельцев в мучных лавках...

А. И, однакож, их читает и ими восхищается высший свет и не находит в них дурного тона, плоскостей и сальности. Авторитет большого света в этом случае безусловно неоспорим. В нападке рецензента на дурной тон «Мертвых душ» я узнаю того же опытного мастера оттенять неприятные ему литературные репутации. Правда, к этому оружию против Гоголя не раз прибегали уже и другие обожатели и знатоки хорошего тона, еще задолго до появления бонтоно-«пыхтящей» рецензии. И хотя эти другие ратовали с тою же целью и вследствие тех же причин, однако они были искреннее в своих нападках на дурной тон, потому что в простоте мещанской светскости они не шутя считают неприличным то, что в большом свете несколько не считается неприличным. Но наш рецензент очень хорошо понимает, что и для чего он делает. Хорошо зная невинную слабость средних кругов русского общества слишком заботиться о приличиях неведомого и недоступного им большого света, он не пропустит случая попробовать хватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на целое общество...

А. Нисколько. Франция в отношении к светской общественности, без всякого сомнения, первое государство в мире. Однакож и там центр светскости и высшего тона находится в Париже, и именно в двух пунктах: в последнем убежище легитимизма, Сен-Жерменском предместьи и в новой мещанской аристократии, при дворе. Все прочие слои общества суть только более или менее верные отражения этих первообразов светской общественности. Смешно и нелепо было бы видеть унижение всего общества в весьма обыкновенной и правдивой фразе, что истинный хороший тон царствует в высшем петербургском кругу и что средние круги общества часто добровольно делаются смешными, считая и себя «большим светом» и стараясь копировать с образца, который они видят издали, на гуляньях и в каретах, проездом по улице. Нет никакого унижения, когда вам скажут (если вы этого не знаете сами), что нигде нет столько пустых претензий, изысканности, чопорности, а следовательно, и дурного тона, как в этих средних кругах, почему-то считающих себя в каких-то отношениях с «большим светом», который для них есть истинная terra incognita[2]. Так как в них нет ничего своего, то все чужое, которым дышат они, переходит у них в карикатуру: развязность и свобода высшего общества – в наглость, приличие – в чопорность, вежливость – в церемонность, любезность – в гостинодворский тон. Я именно говорю о средних кругах. Если вы знаете хорошо наших помещиков, согласитесь со мною, что между ними нередко встречаются прекрасные исключения: в их домах вы не найдете того, что называется «высшим светом», но найдете благородный тон, благородную простоту обращения, истинную образованность, которая так редка и в «высшем свете». В них есть свое, оттого они и не пародируют других; они берут от большого света свое, не принимая от него чуждого им или не соответствующего их средствам и положению. Наше общество еще так молодо, так еще не установилось и не приняло общего характера, что такие прекрасные исключения представляются только в семействах, в отдельных домах, а не в целом сословии, пестром и разнохарактерном. И причина таких прекрасных исключений состоит именно в том, что дома, о которых я говорю, имеют свое собственное значение и не принадлежат к тому, что называется «средними кругами»: это аристократия наших провинций. Под средним кругом должно разуметь преимущественно чиновничество столиц и губернских городов – это плодородное поле, с которого даже и низшие таланты, чем талант Гоголя, собирают такую обильную жатву. Вот их-то и имела в виду рецензия. Но что же плоского и грязного находит рецензент у Гоголя? – Портреты Петрушки и Селифана, запахи (говоря его не русским языком!), описание двора Коробочки, в котором свинья с семейством, рывшаяся в куче сора и мимоходом заевшая цыпленка, особенно неприятно подействовала на его светскую разборчивость. Что же бы сказал он, прочитав известную басню Крылова, где свинья играет главную роль... «Грязь на грязи!» восклицает «почтеннейший», чистоплотный рецензент...

Б. Однакож вы, верно, не находите изящными подобные картины?

А. Напротив, именно нахожу изящною эту грязь, «возведенную в перл создания», нахожу ее в миллион раз изящнее сусальной позолоты поэтов среднего круга общества, поэтов чиновнических и губернских. Картина быта, дома и двора Коробочки – в высшей степени, художественная картина, где каждая черта свидетельствует о гениальном взмахе творческой кисти, потому что каждая черта запечатлена типическою верностью действительности и живо, осязательно воспроизводит целую сферу, целый мир жизни во всей его полноте.

Б. Ну, хорош же этот мир! Поздравляю с такою жизнью!

А. Не взъщитесь – чем богаты, тем и рады! Поэзия есть воспроизведение действительности. Она не выдумывает ничего такого, чего бы не было в действительности; она только идеализирует явления действительности, возводя их к общему значению, что и значит «возводить в перл создания». Всякая другая поэзия – пустое фантазерство, вздор и пустяки, способные забавлять людей ограниченных и необразованных. И потому мерка достоинства поэтического произведения есть верность его действительности.

Б. Но неужели же в русской действительности нет ничего лучше и благороднее Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобных героев и героинь?

А. Без всякого сомнения, есть; и автор совсем не думал своими «Мертвыми душами» утверждать противное. Он только взял себе известную сферу жизни, действительно существующую, – вот и все. Упрекать его за это – все равно, что упрекать

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Лафонтена и Крылова, зачем они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачем они писали комедии, а не трагедии. Стекла (по прекрасному выражению Гоголя), озирающие небесные светила и насекомых, равно велики. А какое же вы имеете право упрекать естествоиспытателя, что он изучает инфузорий, как будто в природе нет творений, более благородных? Сверх того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет. Неужели в иностранных романах и повестях вы встречаете все героев добродетели и мудрости? Ничего не бывало! Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах!{7} Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга. Люди с божественною искрою в душе везде редки, – и я первый пламенно желаю, чтоб Гоголь иногда дарил нас изображениями и таких личностей, тем более желаю, что теперь только один он и может изображать их. Но я не считаю себя вправе требовать, чтоб он изображал то, а не это, или ставить ему в вину, что он изображает то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такие слова, как: свинтус, скотовод, подлец, фетюк, чорт знает, нагадить и тому подобные, такие слова видеть в печати как-то странно.

А. А слышать или самому говорить каждый день не странно?.. Но автор «Мертвых душ» нигде не говорит сам, он только заставляет говорить своих героев соответственно с их характерами. Чувствительный Манилов у него выражается языком образованного в мещанском вкусе человека; а Ноздрев – языком исторического человека, героя ярмарок, трактиров, попок, драк и картежных проделок. Не заставить же их было говорить языком людей высшего общества! Что же касается до слова «подлец», автор употребляет его и ст своего лица, как люди порядочного тона употребляют, кроме этого слова, слова: вор, разбойник, плут, взяточник, казнокрад, завистник, лжец, клеветник и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличного в слове подлец и чем оно непристойнее, например, слов предатель, низкопоклонник и пр. Дело не в слове, а в тоне, в каком это слово произносится. Иной любезник чиновнического или гостинодворского кружка говорит все вежливости, одна другой тоньше и деликатнее, а все кажется, будто он отпускает такие выражения, за которые выводят под руки из собраний; а порядочный человек выражается резко, называет вещи их настоящими словами – вонь воню, подлеца подлецом, и между тем разговор его все-таки исполнен благородства и достоинства, приличия и хорошего тона. Правда, Гоголь иногда касается таких сторон общественности, которые под пером иных писателей были бы просто невыносимы и для обоняния, и для слуха, и для взора; но как Гоголь не копирует действительности, а «возводит ее в перл создания», как его юмор спокоен, мягок и благороден, несмотря на свою силу, цепкость и глубокость, то в его созданиях никогда и ничего не бывает низкого и тривиального. Он владеет тайною великого таланта обращать в чистое золото все, к чему ни прикоснется. Скажите по совести, встречали ли вы в его сочинениях хотя одну картину грубой чувственности, написанную с желанием самому налюбоваться ею и, возбуждением нечистого восторга, приобрести себе большее число читателей? Где, укажите, рисует он грязь для грязи по страсти к цинизму – замашка, довольно любимая, впрочем, добрым и талантливым Поль-де-Коком, с которым так невпопад, так натянуто, вздумала равнять Гоголя рецензия? Гоголь и Поль-де-Кок – это имена, между которыми столько же общего, как между именами Вольтера какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущего, но во многом походящего на Поль-де-Кока, по крайней мере со стороны цинизма, если не со стороны знания языка, таланта, сердечной теплоты. Это – барон Брамбеус... Вот его так можно обвинять в дурном тоне, в плоскостях, в сальностях, в явном незнании русского языка и русской грамматики, при таланте, которого силу составляет смелость, да иногда блески внешнего, поверхностного ума. И подобное обвинение можно подкрепить фактами, против которых нечего будет сказать ни вам, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастные «фантастические путешествия», как забыла их русская публика, бросившаяся было на них сначала слишком горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому, – то вам стоит только перелистовать их, чтоб перед вами возникла целая галерея картин, одна другой неумнее, одна другой спиртуознее, до того, что перед ними всякие другие «запахи» должны утратить свою резкость. Да вот кстати со мной одна из тетрадей литературных материалов, которые я собираю для составления истории русской литературы. Я ведь и зашел сюда именно потому, что мне нужно навести кое-какие справки насчет критики

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru «Библиотеки для чтения». Я не буду вам разрывать всей этой кучи, чтоб не заставить вас зажимать или, как выражается рецензия, «закрывать рукою» ваш «почтеннейший» нос; я только напомню вам бегло кое-что и прежде всего то место, где барон проваливается через Эту к антиподам и попадаетея прямо в антраша танцовавшей губернаторши, которая жмет его коленками, душит, а он за это кусает ее за мягкую тяжесть, наполнившую его рот[3]... Что – хорошо?.. А его чистоплотные рассказы о «тихом, роскошном, пуховом тельце девушек, в коротеньких розовых юбочках» [4]; о «светлой похотливой коже преданных на жертву жадным взорам пухленьких грудей и плеч» [5]; о «постели двух юных любовников, только что оставленной ими поутру в живописном беспорядке, еще дышащей волканической теплотою их сердец, среди холодных уже следов первого взрыва их любви» [6]; о душе пустынного, «забирающей за пестрые прозрачные платочки его слушательниц, чтоб играть с их беленькою грудью и щекотать их под сердцем» [7]; о «белой, жирной ножке Мандаринши, на которой «влюбленные насекомые (то есть блохи) утпают в небесном блаженстве» и которых мандаринша должна была «всякий вечер ловить у себя под рубашкою» [8]. Как вы думаете: ведь, право, недурно?.. Да то ли еще есть у «почтеннейшего» барона! Вспомните-ка его «Большой выход сатаны», где чорт сидит на воронке, обороченной вверх острым концом и роскошно повертывается на этом эстетическом сиделище вследствие оплеухи, данной ему сатаню... А тон, выражения г. барона? О, это верх светскости! Например: «Если есть счастье на свете, то не инде, как в шароварах» [9]; или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приносит 150.000 годового дохода» [10]; или «если б людей делали немножко иначе, не так поспешно и с должным вниманием, они были бы гораздо умнее» [11]; или: «Льстецы, видя только зад души в глазах сильных людей, не разбирают и лобызают все, что им не выставишь» [12]... Помните ли его статью «Юная словесность», где юная словесность лезет к нашему барону в дом, «шумит, бесчинствует, ломает утварь, расхищает всю собственность и принадлежность счастья» [13]? Барон объявляет читателям, что у него есть баронесса, «образующая вместе с ним широкую и плотную массу человечества», которую он хочет спасти от нападений «юной словесности», для чего и «пробует треснуть ей в лоб колодой карт». Юная словесность «стреляет раскаленными ядрами по бастиону супружества»; потом «басурманка (то есть юная словесность) изранила взаимное доверие супругов». Барон пыхтит и кричит: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ах, распутница!» Баронесса «срывается ночью с постели»; «повалилась на землю, грызет в бешенстве камень», а юная словесность, «вся запачканная кровью, пыхтит и качается в своей грязной луже» и пр. Право, хорошо! Что ж не смеетесь, не хохочете, или по крайней мере не пыхтите от восторгу?.. Что ж вы не восклицаете: «какие свинтусы, какие скотоводы эти нечистоплотные периоды, эти зловонные картины»?.. Что такое история, как наука? – «Жеманная и придирая баба» [14]... Что такое исторический роман? – «Плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением» [15]... Что такое сочинитель «Мазепы» (плохого романа, теперь забытого)? – «Наездник, который в полночь лезет к критику в разбитое окно, вооруженный острым гусиным кинжалом» [16]... Теперь не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубокомысленного, сколько и эстетического барона? – «Воздух есть сухая вода» [17], «камень, гранит – тоже жидкость, но которой мы уже не можем укутить нашими зубами» [18]; «Земная планета – атом приведенного в брожение теплотвором яичного желтка около первого зародыша цыпленка» [19]... «Что такое я сам?» – спрашивает барон и тотчас весьма удовлетворительно решает этот любопытный вопрос: «Я тоже жидкость, маленькая мера жидкости, сгущенной до известной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою небесного огня» [20]... Не хотите ли образчика баронского слогу? – «Эта бедная Зенеида... Она просто жертва неопределенности нашего быта! Живая утопленница зыбких его форм, окруженная неизбежною погибелью, еще борющаяся с волнами страшного хаоса и в лице погибели (?) хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся в ее руках! Уже наша образованность обманула ее призраком супружеского счастья; уже смолола ее существование в своей пасти и бросила его (?) без всякой доски в омут домашнего насилия» [21]... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь вас утомить чтением этих отрывков из моей тетрадки, которая, уверяю вас, очень любопытна, и если не пыхтит сама, то заставит порядком попытеть иных романистов, критиков и рецензентов... Посудите сами о богатстве собранных мною фактов: все, что я успел прочесть вам, ограничивается «фантастическими путешествиями», «Новосельем» и тремя первыми томами «Библиотеки для чтения» за 1834 год... Слышите ли: только! Сколько же еще богатых источников! О, я надеюсь написать прелюбопытную историю русской литературы!»...{8}

Б. Вот эта книга по мне! Страх люблю полемику! Дает пищу для споров и средство взглянуть на предмет с разных сторон.

А. Это будет не полемика, а история... Но мы отклонились от предмета нашего разговора – пыхтящей рецензии. Она очень ошиблась – не в том, что вздумала равнять Гоголя с Поль-де-Коком, и даже унижать первого перед последним, но в том, что могла думать, будто не найдется человека, который растолковал бы ей, что у нее под рукой есть писатель, совершенно подходящий под ее обвинения и более годный для параллели с Поль-де-Коком... Хорошо понимая, что успеха «Мертвых душ» не остановить ей, пыхтящая рецензия приписывает необычайный успех этого превосходного художественного произведения грязности и сальности, смело и храбро навязанным ею. Жалкие усилия, бессильные извороты! Этак можно объяснить разве только успех какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библиотеки для чтения», которых судьба вначале была так блестяща и теперь так печальна! Барон давно уже забыт и тщетно пытался напомнить о себе публике длинным разглагольствованием о «Деве чудной» (публика от «девы» заснула, а о бароне не вспомнила); а «Библиотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своих читателей, к берегам томной Леты... Перед смертью жизнь вспыхивает ярче, как огонь, готовый погаснуть в лампаде: и вот вам причина энергии пыхтящей рецензии... В самом деле, барон трудился, пыхтел, написал новый роман, попытался, напечатав его половину, разманить им внимание публики, но, увы! – публика уже не та! С тех пор как «Библиотека для чтения» успела ей наскутить эту мудростью, которая по плечу толпе, этим скептицизмом, который удивляет и озадачивает только слабоумных и невежд, этим остроумием, которое поддерживается искажением истины и повторяет себя одними и теми же шуточками, – с тех пор публика прочла «Капитанскую дочку» и посмертные произведения Пушкина, познакомилась в театре с «Ревизором», заучила наизусть стихи Лермонтова и много раз перечла его «Героя нашего времени»... Какой шаг вперед! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Девы чудной» и назвала ее «девою скучною»?.. Что делать барону? – Тщетно «Библиотека для чтения» громко провозгласила г. Кукольника гением, великим поэтом, как провозглашала она некогда г. Тимофеева и многие другие посредственности, не страшные, не опасные ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль», ни «Двух призраков», ни «Альфа и Альдоны»; а нарасхват раскупила «Мертвые души» – произведение писателя, о котором если «Библиотека для чтения» и упоминала, то всегда с презрением и насмешками... Так некогда публика забыла «Большой выход Сатаны» и не прочла «Похождений одной ревижской души», потому что сильно заинтересовалась какою-то повестью о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем... – Постой же, мы его!.. И вот является пыхтящая рецензия, где превосходное художественное произведение названо «нечистоплотным творением», глубочайший и могущественнейший юмор – плоскостью, благородное сознание поэта в чувстве собственного значения в родной ему русской литературе – бредом напыщенного тщеславия и где, к довершению всего, содержание, ход действия, словом, все представлено в ложном, изношенном виде, умышленно перетолковано в дурную сторону, подвержено мелким! придиркам мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками против языка и грамматики... Посмотрим, поможет ли горю это salto-mortale критической добросовестности и отчаянной отваги... Посмотрим, чем кончится спор, если он уже и не кончился... Гоголь, разумеется, и не узнает об этих отчаянных вылазках на его поэтическую славу (он, кажется, человек совсем нелюбопытный до многого, что делается в русской литературе); поэтому, естественно, он будет отвечать только новыми своими произведениями, от которых иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я, впрочем, рад этому разговору. Я люблю видеть вещи со всех сторон. Сегодня же пойду к С*** и к Л***, и буду с ними спорить против «Библиотеки для чтения» за Гоголя. Это их удивит, а мне доставит много удовольствия. Впрочем, вы все-таки не убедили меня. Разговор не то, что статья. Говорить можно все, а вот если б вы напечатали статью, где бы так же смело опровергали рецензию «Библиотеки для чтения», как смело и решительно она отделала «Мертвые души» и Гоголя: тогда другое дело! Однакож я теперь не совсем согласен и с «Библиотекою». Мне кажется, что надо держаться середины...

А. Именно так. Середина всего выгоднее, по крайней мере, для успеха таких литературных произведений и таких журналов, которые судьбою поставлены на середину. Побольше таких умеренных людей, как вы, – и они всегда будут процветать, сменяя друг друга, умирая индивидуально, но не переводясь, как роды и виды... Но пора обедать. Прощайте.

Сноски

1

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Хорошо смеется тот, кто смеется последним. – Ред.

2

Неведомая земля. – Ред.

3

«Фант. пут. барона Брамбеуса», стр. 307–309.

4

«Библиотека для чтения», 1834, т. I, стр. 4–5.

5

Ibid., стр. 61.

6

«Фант. пут.», стр. 199.

7

«Новоселье», ч. II, стр. 217–218.

8

Ibid., стр. 168.

9

«Новоселье», ч. II, стр. 204.

10

«Библиотека для чтения», т. I, отд. I, стр. 97.

11

«Новоселье», ч. II, стр. 146.

12

Ibid., стр. 148.

13

«Библиотека для чтения», т. III, отд. I, стр. 54–59.

14

Ibid., т. II, отд. V, стр. 42.

15

Ibid., стр. 14.

16

Ibid., стр. 44.

17

«Библиотека для чтения», т. II, отд. I, стр. 145.

18

Ibid., стр. 146.

19

Ibid.

20

Ibid., стр. 116.

21

Ibid., стр. 161.

Комментарии

1

Цитата из стихотворения Державина «Вельможа».

2

Статья Сенковского о «Мертвых душах» («Библиотека для чтения», 1842, N 8), в которой утверждалось, что «Мертвые души» – бездарное, пошное произведение, ничего общего не имеющее с русской действительностью, написанное к тому же безграмотно, уродливо искаженным русским языком. Для «доказательства» Сенковский не останавливался даже перед неверным цитированием гоголевского текста, искажением имен персонажей. По словам Чернышевского, у Сенковского имелись еще особые причины быть недовольным автором «Мертвых душ». Сенковский видел в Гоголе как юмористическом писателе своего соперника. Кроме того, он был сильно уязвлен статьей Гоголя в пушкинском «Современнике» «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» («Очерки гоголевского периода», Полн. собр. соч., М., 1947, т. III, 70).

3

Очевидно, надо читать: «а завтра будет болтать совершенно противное тому, что болтал нынче» (см. изд. Солдатенкова и Щепкина, ч. VI, стр. 502).

4

Намек на брошюру Греча «Литературные пояснения», в которой была подвергнута критике языковая реформа, предлагавшаяся Сенковским (см. подробнее в статье

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Белинского «Сочинения Николая Греча», «Московский наблюдатель», 1838, т. XVIII,
июль, кн. I).

5

Видимо, следует читать: «Я далек от того, чтобы ставить Гоголю в заслугу
неправильность языка...» (см. изд. Солдатенкова и Щепкина, ч. VI, стр. 506).

6

Гоголь был чрезвычайно требователен к себе. Даже после напечатания произведения
он никогда не считал свою работу над ним законченной. Он неутомимо продолжал его
перекраивать и переделывать. Многие произведения Гоголя существуют в нескольких
редакциях, иногда принципиально отличающихся между собой («Ревизор», «Тарас
Бульба», «Женитьба» и др.).

7

Эту замечательную по своей политической пронизательности характеристику лживости
и лицемерия западно-европейского буржуазного парламентаризма мы встречаем у
Белинского не единственный раз (ср., например, статью «Парижские тайны» в
настоящем томе).

8

Речь идет о давно задуманной Белинским «Критической истории русской литературы».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!